

Ожерелье голубки

Автор:

Ибн Хазм

Ожерелье голубки

Ибн Хазм

«...У любви есть признаки, которые проследит понятливый и дойдет до них пронцательный, и первый из них – долгий взгляд. Глаза – раскрытые ворота души и они сообщают ее тайны, открывают ее сокровенные помыслы и изъясняют сокрытое в ней, и ты видишь как взор, не мигая, движется с движениями любимой поворачивается, когда она повернется, и направляется туда куда она направилась, точно хамелеон за солнцем...»

Ибн Хазм

Ожерелье голубки

Предисловие

В результате завоевания арабами Испании арабский язык стал литературным языком зажиточных кругов населения. Надо еще учитывать и то, что до появления арабов в Испании светской литературы там, в сущности, не было. Имевшиеся в обращении латинские книги были почти исключительно богословского содержания. Грамотность была преимущественно уделом духовенства. Поэтому не приходится удивляться тому, что уже меньше чем через сто лет после завоевания, в IX в., епископ города Кордовы писал: «Многие из моих единовѣрцев читают стихи и сказки арабов, изучают сочинения мусульманских философов и богословов не для того, чтобы их опровергать, а

чтобы научиться как следует выражаться на арабском языке с большей правильностью и изяществом. Где теперь найдется хоть один, кто бы умел читать латинские комментарии на священное писание? Кто среди них изучает евангелия, пророков и апостолов? Увы! Все христианские юноши, которые выделяются своими способностями, знают только язык и литературу арабов, читают и ревностно изучают арабские книги,...даже забыли свой язык, и едва найдется один на тысячу, который сумел бы написать приятелю сносное латинское письмо. Наоборот, бесчисленны те, которые умеют выражаться по-арабски в высшей степени солидно и сочиняют стихи на этом языке с большей красотой и искусством, чем сами арабы»[1 - Цит. по кн.: И. Ю. Крачковский. Арабская культура в Испании. М.?Л., 1937, стр. 11-12.].

Это обстоятельство послужило на пользу арабской литературе того времени. В то время как в арабских странах Востока главным видом письменности становятся бесчисленные богословские трактаты, еретические и правоверные, на Западе мусульманское богословие замыкается в узко правоверные рамки ислама риторически маликитского толка, причем временами правоверное духовенство даже решается выступить против слишком «светских» наклонностей самих правителей и добивается такого страшного удара по культуре, как сожжение значительной части ценнейшей библиотеки халифа Хакама II (961 – 976), состоявшей, по преданию, из четырехсот тысяч томов рукописей, охватывавших все тогдашние отрасли знания.

Все же в Испании, особенно в университетах Гранады, а также христианской Сарагосы, возникает ряд переработок и латинских переводов арабских трудов по естествознанию и арабских переводов древнегреческой научной литературы. Позднее, когда мертвящее влияние богословов несколько ослабло, начали появляться и оригинальные арабские труды по философии, например книги Ибн Рушда (1126 – 1198), получившего широкую известность на Западе под искаженным именем Аверроэс. По образцу великого Абу Али ибн Сины (Авиценны) Ибн Туфейль пишет своеобразнейший философский роман «Хайи ибн Якзан»[2 - Русский перевод И. П. Кузьмина (Л., 1925).]. В области мусульманской мистики Ибн Араби (1165 – 1240) создает труды, которые, попав на Восток, надолго изменили весь ход развития философской мысли в суфизме. В области философии выдающееся место заняли в Испании и евреи, среди которых мы находим такого блестящего мыслителя, как Маймонид (1135 – 1204) – рабби Моше бен Маймун, цитируемый по первым буквам в форме Рамбам. Он родился в Кордове, позднее переехал на Восток, стал лейбмедиком султана Салахаддина (Саладина) и умер в Египте.

Вообще, поездки испанских мусульман на Восток становятся нередкими, и это дает возможность увидеть свет ценнейшим описаниям путешествий, например Ибн Джубейра (1145 – 1228) из Валенсии, живо описавшего все мусульманские страны по берегам Средиземного моря, и Ибн Баттуты (1304 – 1377) из Танжера, который в своих двадцатипятилетних странствиях добирался до Волги, Индии и даже Китая.

Под влиянием испано-арабской науки находился и знаменитый историк Ибн Халдун (1332 – 1406) из Туниса, в своем «Введении» впервые изложивший историко-философские и социологические взгляды.

Арабская поэзия, пытавшаяся первое время в Испании хранить старые традиции и воспевать никогда не виданного этими поэтами верблюда, постепенно под местными влияниями ожила, приобрела индивидуальный характер и, как это можно теперь считать доказанным, в свою очередь оказала могучее влияние на лирику европейских трубадуров.

Вот на такой-то почве и возникло предлагаемое сейчас русскому читателю произведение Абу Мухаммеда Али ибн Ахмада ибн Хазма, родившегося в Кордове 7 ноября 994 года, – книга «Ожерелье голубки» (Тоукал-хаммана). Нужно прежде всего иметь в виду, что для читателя той эпохи голубь отнюдь не был символом мира и кротости, каким он стал позднее у христиан. Тогда за ним сохранялось приписанное ему еще в «голубином городе» Вавилоне символическое значение сладострастия. Ведь и у греков голубь был птицей богини Афродиты, а по вавилонским преданиям знаменитая Семирамида появилась на свет из голубиного яйца.

Ибн Хазм сначала получил широкую известность как юрист и строго правоверный богослов, но в результате неудачных политических связей карьера его после 1013 г. оборвалась, и он удалился в изгнание в Альмерию, городок на берегу Средиземного моря. Один из друзей Ибн Хазма в Альмерии и попросил его написать трактат о любви. Тема эта была в большом ходу еще у арабов на Востоке, создавших ставшие классическими любовные пары Медждуна и Лейлы, Джемиля и Бусейны и др. Но, взявшись за эту тему, Ибн Хазм не хотел следовать традициям бедуинской поэзии.

Нельзя сомневаться в том, что многочисленные примеры, которыми Ибн Хазм иллюстрирует свои теоретические положения, взяты им из жизни тогдашней Испании. В этом главная ценность книги. Читая ее, мы как бы вступаем в жизнь

мусульманской Андалусии и видим, насколько среда, состоявшая из конгломерата разных народов Запада и Востока, повлияла на, казалось бы, застывшие традиции мусульманской жизни. Книга ясно говорит о том, что в этой среде пренебрежительное отношение к женщине, которую в халифате воспринимали как полурабыню, живой товар, резко изменилось. Если Ибн Хазм иногда и отзывается о женщинах резко, то лишь в результате близкого соприкосновения II ранней юности с удушливой атмосферой гарема и непосредственного знакомства с бесчисленными интригами, там вынашивавшимися и созревавшими.

И если само задание влекло автора в сторону несколько схоластических и подчас довольно нудных рассуждений, то живые сценки «Ожерелья голубки» не утратили своей ценности и по сей день, тем более, что рассказаны они с тем высоким мастерством, которое свойственно арабским рассказчикам и которое подарило человечеству бессмертную «Тысячу и одну ночь» и многие сборники аналогичного характера.

По обычаям эпохи прозаический текст книги пересыпан стихотворными вставками. Ибн Хазм был выдающимся мыслителем и хорошим стилистом; писать стихи он, конечно, мог, ибо в то время, как мы видели выше, даже и христианская молодежь Андалусии умела писать гладкие арабские стихи. Но уметь писать стихи – еще не значит быть поэтом. Стихи Ибн Хазма – стихи только по форме. Поэтому едва ли читатель будет сетовать на то, что переводчик передал эти стихотворные строки в прозаическом переводе.

Когда Ибн Хазм подвергся гонениям, рукописи его произведений были в значительной части уничтожены. Поэтому и данная книга дошла до нас только в одной рукописи, принадлежащей библиотеке университета в Лейдене. Из слов переписчика ее можно заключить, что при переписке он подверг книгу некоторым сокращениям.

По этой единственной рукописи крупнейший русский испанист профессор Ленинградского университета Д. К. Петров и издал текст, пользуясь помощью и советами крупнейших ленинградских арабистов. По этому изданию М. А. Салье сделал настоящий перевод, снабдив его комментариями. Книга впервые вышла в свет в 1933 г. под редакцией одного из замечательнейших востоковедов – академика И. Ю. Крачковского.

Данное издание печатается без изменений.

Е. Э. Бертельс

Ожерелье голубки

Говорил Абу Мухаммад[3 - Абу Мухаммад – значит «отец Мухаммада». Полное арабское имя состоит из следующих частей: 1) названия отца по имени старшего сына: Абу Мухаммад; 2) собственно имени: Али; 3) отчества: Ибн Хазм – сын Хазма; 4) этнического имени, указывающего на место рождения – аль-Андалуси, Андалусский (то есть происходящий из Андалусии, мусульманской Испании) или принадлежность к племени, например аль-Азди, то есть происходящий из племени Азд. Наиболее вежливым считается обращение к мусульманину по имени сына.] – да простит ему Аллах: – Лучшее, с чего начинают, – хвала Аллаху, великому, славному, достойная его, а затем – молитва о Мухаммаде, его рабе и посланнике, особо и обо всех его пророках вообще. А после того: да сохранит Аллах нас и тебя от сомнения, и да не возложит он на нас того, что нам не под силу! Да подаст он нам, от благой своей помощи, указание, ведущее к повиновению ему, и да одарит нас, от поддержки своей, влечением, отклоняющим от послушания его! Да не поручит он нас нашей слабой решимости, немощным силам, ветхим построениям, изменчивым воззрениям, злой воле, малой проницательности и порочным страстям!

Твое письмо прибыло ко мне из города Альмерии[4 - Альмерия – значительный город на крайнем юго-востоке мусульманских владений в Испании. В эпоху написания «Ожерелья голубки» Альмерия была центром независимой провинции.] в мое жилище в славной Шатибе[5 - Шатиба (Хатива) лежит в 56 километрах к юго-западу от Валенсии, значительно севернее только что упоминавшегося города Альмерии. Шатиба являлась одной из значительных крепостей Андалусии. В мусульманском мире большой популярностью пользовалась изготовленная в Шатибе бумага, которую вывозили даже в Египет. В начале XI века Шатиба входила в пределы одного из многочисленных независимых королевств, на которые разделялась тогда мусульманская Испания.]; то, что ты говоришь в нем о своем благополучии, меня радует, и я восхвалил за это Аллаха, великого, славного, прося его продлить и умножить твое благосостояние.

Затем я не замедлил увидеть тебя лично, и ты направился ко мне сам, несмотря на далекое расстояние, отдаленность наших жилищ, не близкую цель путешествия, долгий путь и ужасы дороги. А меньшее, нежели это, отвлекало томящегося и заставляло забыть помнящего, но не того, кто подобно тебе крепко схватился за веревку верности и соблюдал обязательства прошлого, крепкую дружбу, долг сверстника и юношескую любовь и чья дружба была угодна Аллаху великому. А Аллах укрепил между нами из этого столько, что мы восхваляем его и благодарим.

Твои замыслы в этом письме были шире того, что я узнал из других твоих писем; своим приходом ты обнаружил мне свою цель и осведомил меня о своем образе мыслей, повинуюсь никогда не покидавшему нас свойству делиться со мною и сладостным, и горьким, и скрытым, и явным. Тебя побуждает искренняя любовь, которую я испытываю к тебе в несколько раз сильнее, не желая за это иной награды, кроме ответа на нее подобным же. Я говорю об этом в моей длинной поэме, обращаясь к Убейдаллаху ибн Абд ар-Рахману, внуку аль-Мугиры, сыну повелителя правоверных ан-Насира[6 - Ан-Насир Победоносный – титул халифа Абд ар-Рахмана III (912-961).] – да помилует его Аллах! – а он был мне другом:

Я питаю к тебе дружбу, в которой нет ослабления, хотя дружба мужей иногда марево.

Я предложил тебе чистое расположение, и внутри меня явный образ и начертание любви к тебе.

А будь в душе моей страсть к тебе, я бы ее вырвал и обеими руками совлек бы с нее кожу.

Я не хочу от тебя ничего, кроме дружбы, и ни о чем другом я не веду с тобой речь.

И если я получу ее, вся земля и народы для меня – пыль, а жители земли – мухи.

Ты поручил мне – да возвеличит тебя Аллах! – составить для тебя послание с описанием любви, ее свойств, причин и случайностей[7 - Словом «случайность» здесь переведен арабский философский термин, который в специальной литературе обычно передается словом «акциденция». Ибн Хазм, употребляя термин «случайность» не совсем точно, понимает под ним все те элементы любви, которые не составляют ее сущности и зависят от посторонних причин.] и того, что бывает при любви и из-за нее происходит, идя путем истины, не прибавляя и не изменяя, но, передавая о том, что вспомнится, в точности, и так,

как это произошло, насколько достанет у меня памяти и осведомленности в том, о чем я буду говорить. Я поспешил навстречу твоему желанию, но если бы не обязательство перед тобою, я бы, наверное, не взялся за такое дело. Это дело скудное, а нам, при краткости нашей жизни, наиболее подобает тратить ее на то, что дает нам надежду на простор при возвращении и прекрасный приют в завтрашний день, хотя кади Хаммам ибн Ахмад и передавал мне со слов Яхьи и Малика[8 - Малик ибн Анас (умер в 795 г.) - основатель толка маликитов - одного из четырех мусульманских правоверных толков. Учение Малика было распространено среди большинства мусульманского населения Испании.], ссылавшегося на Аиза, возводя иснад[9 - Иснад - цепь передатчиков, со слов которых сообщается тот или иной «хадис» - предание о словах и делах пророка Мухаммада. Абу-д-Дерда - один из сподвижников Мухаммада (умер около 656 г.).] к Абу-д-Дерде, что тот говорил: - Успокаивайте душу кое-чем из пустяков, чтобы было это ей помощником в истине. - А одно изречение праведников из числа предков, угодных Аллаху, гласит: - Кто не умеет быть мужественным, не сумеет стать благочестивым, - и в каком-то предании сказано: - Давайте душам отдых, ибо они ржавеют, как ржавеет железо.

В труде, который ты на меня возложил, неизбежно придется упомянуть о том, что я видел лично и постиг прилежанием и что было мне рассказано верными людьми из моих современников. Прости же мне прикрытие имен: они либо заключают позор, который мы не считаем дозволенным обнаруживать, либо мы охраняем этим любимого друга или знатного человека. Довольно будет, если я назову тех, кого можно назвать без вреда и упомянуть, не навлекая порицания ни на себя, ни на названного, - либо вследствие его известности, при которой не поможет сокрытие и замалчивание, либо если низкий человек согласен на то, чтобы его история обнаружилась, и не станет порицать за ее сообщение.

Я приведу в этом своем послании стихи, которые я сказал о том, чему был свидетелем. Не порицай же меня ты и тот, кто их увидит, за то, что я иду при этом по пути передающего предание со своих собственных слов, - это, и больше этого, в обычае у тех, кто украшается сочинением стихотворений. Мои друзья побуждают меня говорить о том, что случается с ними, на их лад и способ, но довольно будет, если я упомяну о том, что случилось со мною сходного с тем, к чему я стремлюсь, и отнесу это к самому себе. Я вменил себе в обязанность остановиться в этой своей книге у пределов, поставленных тобою, и ограничиться тем, что я видел или счел правильным по сообщению верных людей. Избавь меня от рассказов о кочевых арабах и людях прежних поколений: их путь - не наш путь, и рассказы о них многочисленны, а у меня не в обычае изнурять чужое животное, и я не стану украшать себя украшением, взятым

взаимы. У Аллаха же следует просить прощения и помощи – нет господ, кроме него!

Я разделил свое послание на тридцать глав, из которых о корнях любви говорят десять. Первая из них – настоящая глава о признаках любви, затем глава, где говорится о тех, кто полюбил во сне, затем глава, где говорится о полюбивших по описанию, затем глава, где говорится о полюбивших с первого взгляда, затем глава, где говорится о тех, чья любовь становится настоящей только после долгого срока, затем глава о намеке словом, затем глава об указании глазом, затем глава об обмене посланиями, затем глава о посреднике.

Двенадцать глав касаются случайностей любви и ее свойств, похвальных и порицаемых, хотя любовь сама есть случайность и свойство, а случайность не носит в себе случайностей, и свойству нельзя приписать свойств. Однако так говорят в переносном смысле, ставя определение на место определяемого и основываясь на значении наших слов, ибо мы обнаруживаем, что одна случайность в действительности воспринимается нами как меньшая или большая, лучшая или худшая, чем другая случайность. Нам известно также, что случайности отличаются одна от другой увеличением или уменьшением своей видимой и познаваемой сущности, ибо к ним не приложимо понятие о количестве и дроблении на части, так как они не занимают места.

Эти главы – глава о друге-помощнике, глава о единении, глава о сокрытии тайны, глава об ее раскрытии и разглашении, глава о повинении, глава об ослушании, глава о том, кто полюбил какое-нибудь свойство и не любит после этого других свойств, не сходных с ним, глава об удовлетворенности, глава о верности, глава об измене, глава об изнурении и глава о смерти.

О бедствиях, которые постигают любовь, говорится в шести главах. Это главы о хулителе, о соглядатае, о сплетнике, о разрыве, о разлуке и о забвении. Из этих шести глав две главы имеют себе противоположные в главах, упомянутых раньше, – это глава о хулителе, которой противоположна глава о друге-помощнике, и глава о разрыве, которой противоположна глава о единении. Для четырех из этих глав нет противоположностей в свойствах любви – это глава о соглядатае и глава о сопернике, для которых нет противоположности, кроме их исчезновения (а истинная противоположность есть то, с возникновением чего первоначальное явление исчезает, хотя диалектики и не согласны насчет этого, и если бы не боязнь затянуть речь о том, что не относится к предмету книги, мы бы это исчерпывающе обсудили), затем глава о разлуке, которой

противоположна близость жилищ (а пребывание вблизи не принадлежит к свойствам любви, о которых мы рассуждаем), и глава о забвении, которой противоположна самая любовь, так как забвение означает прекращение и отсутствие любви.

Двумя главами мы закончили послание – главой с рассуждением о мерзости греха и главой о достоинстве целомудрия, чтобы были заключением нашего рассказа и нашим последним словом – призыв к повиновению Аллаху, великому, славному, побуждение к благому и запрещение порицаемого, ибо это предписано всякому правоверному.

Однако мы нарушили при расстановке некоторых глав порядок, определенный в тексте настоящей главы, первой главы послания, и поставили их, в противность его основам, в конец или туда, где им подобало быть по порядку предшествования, по месту на ступенях любви и по времени возникновения ее свойств. Мы расположили их от начала до конца и поставили противоположные главы рядом, так что нарушился порядок следования в отношении немногих глав, а у Аллаха следует просить помощи!

Я расположил главы в рассказе так, что первая из них – настоящая глава, которой мы заняты, и в ней начало послания, и распределение глав, и слово о природе любви. Затем идет глава о признаках любви, и затем главы о полюбивших по описанию, о полюбивших с одного взгляда, о тех, кто влюбляется лишь после долгого срока, о тех, кто полюбил какое-нибудь качество и не любит после него других качеств, с ним не сходных, о намеке словом, об указании глазом, об обмене посланиями, о посреднике, о сокрытии тайны, о ее разглашении, о повиновении, об ослушании, о хулителе, о помощнике из друзей, о соглядатае, о сплетнике, о единении, о разрыве, о верности, об измене, о разлуке, об удовлетворенности, об изнурении, о забвении, о смерти, о мерзости греха и о достоинстве целомудрия.

Слово о природе любви

Любовь – да возвеличит тебя Аллах! – поначалу шутка, но в конце – дело важное. Ее свойства слишком тонки по своей возвышенности, чтобы их описать, и нельзя постигнуть ее истинной сущности иначе как с трудом. Любовь не порицается

религией и не возбраняется божественным законом, ибо сердца в руках Аллаха, великого, славного, и среди прямо ведомых халифов и правоверных имамов[10 - «Прямо ведомые халифы», или «халифы прямого пути», - титул первых четырех правителей мусульманского государства, «халифов», то есть преемников пророка Мухаммада. Слово «имам» имеет различный смысл; в данном случае оно так же, как и халиф, означает: духовный и светский глава мусульманской общины.] любили многие. Из них у нас в Андалусии[11 - Андалусия - арабское название Пиренейского полуострова. Происхождение этого названия не выяснено; обычно его возводят к имени германского племени вандалов, которые в течение короткого времени (с 411 по 429 г.) занимали южную оконечность Испании, древнюю Бэтику.] были Абд ар-Рахман ибн Муавия[12 - Чтобы не повторять несколько раз дат правления отдельных султанов и халифов, которых упоминает в своей книге Ибн Хазм, приводим хронологическую таблицу правителей мусульманской Испании: Независимые эмиры Испании Годы правления Абд ар-Рахман ибн Муавия - 756-788 Хишам I - 788-796 Аль-Хакам I. - 796-821 Абд ар-Рахман II - 821-852 Мухаммад I - 852-886 Аль-Мунзир - 886-888 Абдаллах - 888-912 Халифы Абд ар-Рахман III ан-Насир - 912-961 Аль-Хакам II аль-Мустансир - 961-976 Хишам II аль-Муайяд - 976-1008 Мухаммад II аль-Махди - 1008-1009 Сулейман аль-Мустаин (аз-Зафир) - 1009-1009 Мухаммад II (вторично) - 1009-1010 Хишам II (вторично) - 1010-1013 Сулейман аз-Зафир (вторично) - 1013-1016 Али ибн Хаммуд - 1016-1018 Абд ар-Рахман IV аль-Муртада - 1018-1018 Касим ибн Хаммуд - 1018-1021 Яхья ибн Хаммуд - 1021-1023 Касим ибн Хаммуд (вторично) - 1021-1023 Абд ар-Рахман V аль-Мустазхир - 1023-1024 Мухаммад III аль-Мустакфи - 1024-1025 Яхья ибн Хаммуд (вторично) - 1025-1027 Хишам III аль-Мутадд - 1027-1031], любивший Даджа, и аль-Хакам ибн Хишам, и Абд ар-Рахман ибн аль-Хакам, страсть которого к Таруб, матери его сына Абдаллаха, знаменитее солнца, и Мухаммад ибн Абд ар-Рахман, чье дело с Газлан, матерью его сыновей, Османа, аль-Касима и аль-Мутаррифа, известно, и аль-Хакам аль-Мустансир, очарованный Субх[13 - Субх - любимая жена халифа аль-Хакяма II.], матерью Хишама аль-Муайяда-биллаха - да будет Аллах доволен им и ими всеми! - и отказывавшийся иметь детей от другой женщины. Подобное этому многочисленно, и если бы исполнение долга перед правителями не было для мусульман обязательно и нам не следовало бы передавать из рассказов о них лишь то, в чем заключаются рассудительность и оживление веры, тогда как любовь нечто такое, для чего они уединялись во дворцах со своими женами, и нам не подобает об этом рассказывать, - я, наверное, сообщил бы немало сведений о них в этом роде.

Что же касается их великих мужей и столпов их правления, то любивших среди них больше, чем можно счесть, и самое новое из этого, чему мы были

свидетелями вчера, – увлечение аль-Музаффара ибн Абд аль-Мелика ибн Абу Амира[14 - В тексте оригинала, вероятно, описка (первое «ибн» – лишнее). По-видимому, здесь имеется в виду Абд аль-Малик ибн Абу Амир, по прозвищу аль-Музаффар, сын знаменитого временщика Ибн Абу Амира аль-Мансура, унаследовавший неограниченную власть своего отца. Подробности жизни Абд аль-Малика неизвестны. Умер он в цветущем возрасте в 1008 г.] Вахид, дочь одного торговца сыром, любовь к которой даже побудила его на ней жениться. Эта та самая, кого взял в жены, после гибели Амиридов[15 - Амириды – потомки Ибн Абу Амира аль-Мансура.], везир Абдаллах ибн Маслама; потом, когда его убили, на ней женился один из главарей берберов.

Вот нечто похожее на это. Абу-ль-Айш ибн Маймун аль-Кураши аль-Хусейни рассказывал, что Низар ибн Маад[16 - Низир ябн Маад – пятый представитель династии египетских халифов Фатимидов. Его сын Мансур, по прозвищу аль-Хаким (996 – 1021), под конец своей жизни объявил себя воплощением божества.], правитель Египта, увидел своего сына Мансура ибн Низара – того, что принял после него власть и притязал на божественность, – лишь через долгое время после его рождения, подчиняясь речам невольницы, которую он сильно любил. И при этом у него не было мужского потомства и никого, кто бы унаследовал его власть и оживил бы память о нем, кроме Мансура!

Среди праведников и законоведов минувших веков и древних времен есть такие, о ком их стихи избавляют от нужды говорить. Рассказов об Убейдаллахе ибн Абдаллахе ибн Утбе ибн Масуде[17 - Убейдаллах ибн Утба ибн Масуд-факих – законовед, соединявший богословскую эрудицию со склонностью к сочинению любовных стихов. Умер он около 720 г.] и его стихов передают достаточно, а он был одним из семи факихов аль-Медины.

Среди фетв[18 - Фетва – юридическое разъяснение, даваемое главным судьей или знаменитым правоведом в форме ответа на вопрос судьи или частного лица. Лицо, имеющее право давать фетвы, называется «муфти». В своих ответах муфти не должен основываться на собственном мнении, а обязан руководствоваться уже имеющимися прецедентами. Ибн Аббас – передатчик преданий, живший в первые времена ислама.] Ибн Аббаса – да будет доволен им Аллах! – дошла одна, при которой других не нужно, ибо он говорит: это убитый любовью – ни платы за его кровь, ни отмщения.

Люди не согласны относительно природы любви и говорили об этом долго, затягивая речи; я же придерживаюсь мнения, что причина любви – соединение в

их основной возвышенной стихии частиц души, разделенных в здешней природе. Но это не потому, что души – разделенные сферы, как говорит Мухаммад ибн Дауд[19 - Абу Бекр Мухаммад ибн Дауд из Багдада (умер в 909 г.) – сын Дауда аз-Захири, основателя богословского толка захиритов, к которому, вероятно, уже в эпоху создания «Ожерелья голубки» принадлежал Ибн Хазм. Приводимая у Ибн Хазма мысль высказана Ибн Даудом в «Книге Венеры».] – да помилует его Аллах! – со слов некоего философа, а вследствие однородности их сил в обиталище вышнего мира и близости их по образу состава. Мы таем, что тайна смешения и разделения среди тварей – лишь в соединении и разъединении, и сходное обычно призывает сходное, и подобное доверяется подобному. Однородности присущи ощутительное действие и видимое влияние; взаимная неприязнь противоположностей, согласие между подобными и влечение к похожему обнаруживаются между нами, – так как же не быть этому в душе, когда ее мир, мир чистый и легкий, и сущность ее стремятся ввысь и уравновешены; и в основе своей она приспособлена к восприятию согласия и склонности, и расположения и отчуждения, и страсти и неприязни.

Все это известно, так как проявляется при различных обстоятельствах в поведении человека, и человек доверяется своей душе, а Аллах, великий и славный, говорит: «Он тот, кто сотворил все из единой души и сотворил из нее ей пару, чтобы она доверилась ей»[20 - Коран, гл. VII, стих 189.]. И он выставил основанием доверия то, что пара для души возникла из нее же.

А будь причиной любви красота телесного образа, конечно, не был бы сочтен прекрасным менее красивый образ. Мы часто находим людей, которые предпочитают более низкого, зная превосходство других, но не находя от него спасения своему сердцу.

А если бы любовь возникала из-за соответствия качеств, человек бы, конечно, не любил тех, кто ему не помогает и не соответствует; поэтому мы знаем, что она пребывает в самой сущности душ. Но нередко любовь возникает вследствие какой-нибудь причины – эта любовь исчезает с исчезновением причины ее, и тот, кто тебя любит из-за дела, отворачивается, когда оно окончено.

Я говорю об этом:

Моя любовь к тебе вечна в силу своего бытия; она достигла предела, не уменьшается и не увеличивается.

Ей нет причины, кроме желания, и нет ей повода, который бы кто-нибудь знал.

Когда мы видим, что вещь – причина самой себя, тогда ее бытие не прекратится вовек.

Если же нашли мы, что причина ее в другой вещи, с исчезновением ее исчезнет и то, что из-за нее возникло.

Эти слова подкрепляются и тем, что, как мы знаем, любовь бывает многих видов, и наиболее достойный из них – любовь двух любящих ради Аллаха, великого, славного: либо из-за усердия в труде, либо из-за согласия в основах веры и толка, либо из-за преимущества знаний, которыми одарен человек. Бывает любовь родственная, любовь из-за дружбы или общности стремлений, любовь из-за товарищества и знакомства, любовь из-за благодеяния, которую питает человек к своему другу, любовь из жадности к сану любимого, любовь двух любящих из-за тайны, которую они оба знают и должны скрывать, любовь ради того, чтобы достичь наслаждения и удовлетворить желание, и любовь по влечению, которой нет причины, кроме упомянутой нами связи душ. Все эти виды любви прекращаются с прекращением их причин, увеличиваются с их увеличением, уменьшаются с их уменьшением, укрепляются с их приближением и ослабевают с их отдалением, кроме любви по истинному влечению, овладевающей душой, – это та любовь, которой нет конца иначе как со смертью. Поистине, ты часто найдешь человека, утешившегося, по его словам, и достигшего предельных лет, который, когда ты напомним ему, вспоминает, и веселеет, и молодеет, и возвращается к нему волнение, и поднимается в нем печаль. Ни при одном из упомянутых видов любви не бывают так заняты мысли и не возникает такого помрачения ума, беспокойства, изменения врожденных свойств и перемены природных качеств, и похудания, и вздохов, и прочих признаков тоски, как при любви по влечению; этим подтверждается, что такая любовь – духовное предпочтение и слияние душ. А если кто скажет: – Будь это так, любовь между двумя душами разделялась бы поровну, ибо обе части равно участвуют в единении и доля их в нем одна, – то в ответ на это мы скажем: – Вот, клянусь жизнью, правильное возражение, но только душа того, кто не любит любящего, со всех сторон закрыта какими-нибудь скрывающими явлениями и охватывающими ее завесами земных свойств, и она не чувствует той своей части, которая была к ней близка, прежде чем она опустилась туда, где находится; а если бы она освободилась, то, конечно, обе части были бы равны в единении и в любви. Душа же любящего свободна, и она знает, где то, что разделяло с нею близость, и стремится к нему, и направляется, и ищет его, жаждающая с ним встречи и привлекая его, если может.

Это подобно магниту и железу. Сила вещества магнита, связанная с силой веществ железа, не обладает достаточной самостоятельностью и способностью к выделению, чтобы устремиться к железу, хотя оно с нею однородно и принадлежит к ее стихии. Но сила железа, так как она велика, устремляется к своему подобию, ибо движение всегда исходит от более сильного, а сила железа свободна по существу и не задержана никаким препятствием, и она ищет то, что с ней сходно, и предается ему и к нему спешит по природе и по необходимости, а не добровольно и преднамеренно. Когда же ты возьмешь железо в руку, оно не устремляется, так как его силы тоже недостаточно, чтобы одолеть то, что его держит, если оно сильнее. А если частицы железа умножатся, они становятся заняты друг другом и удовлетворяются подобными себе, не ища малых долей своей силы, отдаленной от них. Когда же увеличивается тело магнита и его силы становятся равны всей силе тела железа, оно возвращается к своему обычному состоянию.

Также и огонь в камне – нельзя обнаружить силы огня, стремящейся к сближению и призывающей свои частицы, где-либо находящиеся, иначе как высекая огонь и сблизив два тела посредством прижатия и ударов их друг о друга, – без этого сила огня продолжает таиться в своем камне, не проявляясь и не обнаруживаясь.

На это указывает еще и то, что ты не найдешь двух влюбленных, между которыми не было бы сходства и соответствия природных качеств; это необходимо должно быть, хотя бы в небольшой степени, и всякий раз, когда умножаются похожие черты, увеличивается сходство и крепнет любовь. Посмотри – и увидишь это воочию.

Это подкрепляется словом посланника Аллаха – да благословит его Аллах и да приветствует! – Души – собранные войска. Те из них, что узнают друг друга, сходятся, а те, что не узнают, – расходятся, – и изречением, передаваемым со слов одного из праведников: – Души правоверных узнают друг друга.

Поэтому-то и огорчился Букрат^[21] – Букрат – арабская форма имени знаменитого греческого врача Гиппократ (V в. до н. э.). Арабам были известны многие сочинения Гиппократ; перевод некоторых из них на арабский язык появился уже в IX в.], когда ему описали человека из людей с недостатками, который его любил, и, когда с ним заговорили об этом, он сказал: – Этот человек полюбил меня лишь потому, что я ему соответствую в некоторых его качествах.

Ифлатун[22 - Ифлатуном арабы называют философа Платона. Платон оказал значительное, хотя и не прямое, влияние на арабских мыслителей. Многие произведения, приписываемые арабами Платону, в действительности ему не принадлежат. То же следует сказать о бесчисленных изречениях и рассказах, которые влагаются в уста Платона арабскими писателями.] рассказывает, что один из царей несправедливо заключил его в тюрьму, и он до тех пор приводил доказательства в свою защиту, пока не стала ясна его невиновность и царь не понял, что он к нему несправедлив. И тогда его везир, который взялся передавать ему слова Ифлатуна, сказал ему: - О царь, тебе стало ясно, что он невиновен, - что же тебе до него? - И царь ответил: - Клянусь жизнью, мне нет к нему пути, но только я чувствую в своей душе тяжесть и не знаю, отчего она. - И эти слова передали Ифлатуну. - И мне стало нужно, - говорил он, - отыскать в своей душе и качествах что-нибудь сходное с его душой и качествами, чтобы противопоставить это ему. И я рассмотрел качества царя и увидел, что он любит справедливость и не терпит несправедливости; такое же качества я различил и в себе, и едва я привел в движение это соответствие и противопоставил его душе это качество, которое было в моей душе, как царь приказал меня отпустить и сказал своему везиру: - Рассеялось то, что было в моей душе из-за Ифлатуна.

Что же касается причины того, что любовь постоянно, в большинстве случаев, возникает из-за красивой внешности, то ясно, что душа прекрасна и увлекается всем прекрасным и питает склонность к совершенным образам. И, увидев какой-нибудь из них, душа начинает к нему приглядываться и, если различит за внешностью что-нибудь с собою сходное, вступает с ним в соединение, и возникает настоящая и подлинная любовь. Если же душа не различает за внешностью ничего с собою сходного, ее любовь не переходит пределов внешности, а это и есть страсть. И поистине, внешность дивным образом соединяет отдаленные частицы души!

Я читал в первой книге Торы[23 - Тора - Моисеево пятикнижие. Во времена Ибн Хазма существовало уже два перевода Библии на арабский язык - перевод Саадии Гаона из Файюма (умер в 943 г.) и другой перевод (с латинского), сделанный в Испании в 956 г. Ибн Хазм, будущий историк религий, посвятивший немало усердия полемике с евреями, в юности знал их священную книгу, по-видимому, не особенно хорошо (ср. Бытие, гл. 30, стихи 31 - 42).], что пророк Якуб - да будет с ним мир! - в те дни, когда он пас скот Лабана, своего дяди по матери, вместо приданого за его дочь условился с ним о разделе приплода, и все одноцветные должны были быть Якубу, а все пестрые - Лабану. И Якуб - да будет с ним мир! - брал древесные ветки и половину их очищал, а половину

оставлял, как были, а потом он бросал их все в воду, к которой приходил пить скот, и нарочно подсылал в это время к самцам самок, годных для случки. И они приносили приплод не иначе как пополам – половину одноцветными и половину пестрыми.

Про одного чтеца по лицам рассказывают, что к нему принесли черного сына от двух белых. Он посмотрел на черты мальчика и увидел, что он от этих людей несомненно, и тогда он захотел, чтобы его поставили на то место, где родители сходились. И его привели в помещение, где было их ложе, и он увидел на стене, против взгляда женщины, изображение чернокожего и сказал отцу мальчика: – От этого изображения пришел к тебе твой сын.

Стихотворцы из диалектиков часто пользуются этой мыслью в своих стихах и, говоря с видимым во вне, обращаются к познаваемому и скрытому. Это часто встречается в стихах ан-Наззам Ибрахима ибн Сайяра[24 - Ибрахим ибн Сайяр ан-Наззам (умер около 845 г.) – один из выдающихся представителей религиозно-философской секты мутазилитов. Мутазилиты – буквально «удалившиеся» (от мира) – отстаивали право человека прибегать при решении религиозных вопросов к помощи разума, а не только руководствоваться словами Корана или преданиями о словах и делах пророка («хадисами»). Основными пунктами расхождения мутазилитов с так называемыми «правоверными» мусульманскими школами были вопросы о свободе воли, сущности божества и сотворенности Корана. Мутазилиты признавали человека обладающим свободной волей и считали Аллаха чисто духовным существом, которому нельзя приписывать человеческие качества. Учение о сотворенности Корана во времени, провозглашенное мутазилитами, было объявлено официальным в эпоху халифа аль-Мамуна (813 – 833). При последующих халифах приверженцы этого взгляда считались еретиками и терпели жестокие преследования.] и других диалектиков, и я скажу об этом стихотворение, где есть такие стихи:

Нет причины победы над врагами, которую ты бы знал, и причины бегства от них, когда они обращают нас в бегство,

Кроме влечения душ всех людей к тебе, о жемчужина, сокрытая в людях.

Те, перед кем ты находишься, никогда не отступят, и ночью идут они к твоему возвышенному свету.

Если же ты сзади, душа добровольно обращает люден к тебе, и обычно они отступают.

И я говорю об этом:

Из мира ангелов ты или человек? Разъясни мне – бессилие глумится над моей пронизательностью.

Я вижу человеческий образ, но, пораздумав, нахожу, что тело – вышнее.

Благословен тот, кто соразмерил черты своих созданий, так что стал ты прекрасным природным светом!

Для меня нет сомнения, что ты дух, который послало к нам связующее подобие душ.

У нас нет явного указания на твое появление, по которому мы могли бы судить, кроме того, что мы видим.

И если бы взор не падал на твое существо, мы сказали бы только, что ты – возвышенный, подлинный разум.

А кто-то из моих друзей называл одну мою поэму – «Постижение посредством воображения». Вот стихи из нее:

Ты видишь, – в нем существуют все противоположности, – так как же ограничишь ты разнообразие свойств?

О тело, не имеющее качеств, о явление стойкое, не исчезающее!

Ты обратил против нас все стороны рассуждения тем, что стало ясно, с тех пор как ты блеснул.

Это же самое обнаруживается и в ненависти. Ты видишь, что два человека ненавидят один другого без основания или повода и тяготятся друг другом без причины.

Любовь – да возвеличит тебя Аллах! – обессиливающая болезнь, и в ней же возникает от нее лекарство, по мере ее действия. Это болезнь усладительная и желанный недуг; больному ею неприятно выздороветь, и страдающий не желает от нее избавиться. Она украшает человеку то, от чего он отворачивался, и облегчает то, что было ему трудно, изменяя его врожденные свойства и первоначальную природу. Но это встретится и будет разъяснено в своей главе, если пожелает Аллах.

Рассказ

Я знал одного юношу из числа моих знакомых, который завяз в любви и запутался в ее силках, и его измучила страсть и извел долгий недуг. И душе его не была приятна молитва Аллаху о снятии того, что было с ним, и язык его не мог ее выговорить – он молился только о сближении и о том, чтобы овладеть той, кого полюбил, несмотря на великое свое испытание и долгие заботы. Что же подумать о больном, который не хочет прекращения своей болезни! И однажды я сидел с ним и, увидев, как он подавлен и молчалив и как ему плохо, огорчился этим. – Да поможет тебе Аллах! – сказал я ему между другими речами и увидел на его лице выражение отвращения. Я скажу о подобном ему такие стихи из длинной поэмы:

Я наслаждаюсь страданьем из-за тебя, о мечта моя, и, пока длятся дни, я от тебя не уйду.

Если скажут мне: – Ты забудешь любовь к ней, – нет у меня иного ответа, кроме ляма и алифа.[25 - Буквы «лям» и «алиф» составляют слово «ля» – «нет».]

Рассказ

Эти признаки противоположны тому, что рассказывал мне про себя Абу Бекр Мухаммад ибн Касим ибн Мухаммад аль-Кураши, по прозвищу аш-Шалаши – один из потомков имама Хишама ибн Абд ар-Рахмана ибн Муавии[26 - Хишам ибн Абд ар-Рахман – второй из независимых эмиров Кордовы (788 – 796)]. Он совершенно никого не любил и не тосковал о друге, уехавшем от него, и не переходил от границ дружбы и привязанности до пределов любви и увлечения, с тех пор как был сотворен.

Глава о признаках любви

У любви есть признаки, которые проследит понятливый и дойдет до них пронцательный, и первый из них – долгий взгляд. Глаза – раскрытые ворота души и они сообщают ее тайны, открывают ее сокровенные помыслы и

изъясняют сокровище в ней, и ты видишь как взор, не мигая, движется с движениями любимой поворачивается, когда она повернется, и направляется туда куда она направила, точно хамелеон за солнцем. Я скажу об этом стихотворение, где есть такие стихи:

И нет для глаза моего остановки ни на ком, кроме тебя, точно ты, как говорят, из камня бахт[27 - По мусульманскому поверью, камень бахт приковывает к себе взоры и вызывает веселое настроение.]

Я склоняю его туда, куда ты склоняешься, как бы ты ни повернулась, подобно определению и определяемому в грамматике.

Еще признак любви, когда начинают разговор, который едва ли обращен к кому-нибудь, кроме любимой, хотя бы говорящий и старался показать, что это не так, – и поистине, его притворство ясно видно тому, кто его наблюдает. Другой признак любви, – если смолкают, прислушиваясь к речам любимой, когда она говорит, и восторгаются всем, что она сделала, будь это сущая нелепость и нарушение обычаев, и объявляют ее правою, хотя бы она и солгала, и соглашаются с нею, если она и обидела, и свидетельствуют за нее, хотя бы и была она несправедлива, и следуют ей, каким бы она путем ни шла и с какой бы стороны ни понимала сказанное.

К признакам любви относится и ускорение пути к тому месту, где пребывает любимая, и старание сесть вблизи от нее и к ней приблизиться; любящий бросает все занятия, вынуждающие покинуть любимую, пренебрегает всяким важным делом, заставляющим с ней расстаться, и замедляет шаги, уходя от нее. Об этом я скажу стихотворение:

Уходя от тебя, я иду походкою пленника, ведомого на гибель,

А идя к тебе, я подгоняю себя, как луна, когда она спешит к краю неба.

Когда же я встаю, то поднимаюсь так медленно, как высокие неподвижные звезды.

К признакам любви относится также и замешательство, овладевающее влюбленным, и его явный испуг, если он внезапно увидит любимую или та неожиданно появится; к ним же принадлежит волнение, охватывающее влюбленного, если он увидит кого-нибудь, кто похож на любимую, или вдруг услышит ее имя. Я скажу об этом отрывок, где есть такие стихи:

Когда только глаза мои видят одетую в красное, мое сердце разрывается и раскалывается от печали.

Она стала проливающей кровью людей, и одежда ее, пропитанная ею, приняла цвет сафлора.

Еще признак любви, когда человек щедро отдает что может, из того, в чем раньше отказывал, словно это его одарили и об его счастье стараются; все это для того, чтобы проявить свои хорошие качества и вызвать к себе желание. Сколько скупых от того расщедрилось, и угрюмых развеселилось, и трусов расхрабрилось, сколько грубых по природе взволновалось, и глупых научилось, и неряшливых прибралось, и бедняков украсилось! Сколько людей в летах молодилось, сколько благочестивых сделалось бесстыдными и сколько безупречных опозорилось!

Все эти признаки бывают раньше, чем загорится огонь любви, и запыхает ее пожар, и вспыхнут ее головни, и взлетит ее пламя; когда же любовь овладеет и схватит своей хваткой, тогда увидишь ты тайные беседы и явное пренебрежение ко всем, кто присутствует, кроме любимой.

У меня есть стихи, в которых я собрал многие из этих признаков. Вот часть их:

Я люблю беседу, когда напоминают мне о ней, и веет на меня запахом благовонной амбры.

Если заговорят, я слышу от тех, кто сидит со мною рядом, лишь слова прекрасной, игривой,

И, будь со мной повелитель правоверных, из-за него я не оставил бы любимую.

Уходя от нее поневоле, я не перестаю к ней оборачиваться, а иду я походкой того, у кого стертые ноги.

Глаза мои на ней, а тело мое от нее удаляется, и оборачиваюсь я к ней, как утопающий к берегу.

Я давлюсь водой, вспоминая, что она далеко, как раскрывающий рот среди пыли и зноя.

И если спросишь ты, можно ли направиться к небу, я скажу: – Да, и я знаю, где ступени.

К числу признаков любви и ее свидетельств, ясных для всякого, кто обладает зрением, относится великая и частая веселость влюбленных, которым тесно в широком помещении, и то, что один из них тянет к себе вещь, которую взял другой, и частые подмигиванья украдкой, и стремление опереться на любимую, и старание коснуться ее руки во время разговора и по возможности дотронуться до видимых членов тела, и выпивание остатков из сосуда, оставленных любимой, ища того места, которое касалось ее рта.

А есть среди них и признаки, противоположные друг другу, и возникают они по мере возникновения поводов и явлений, их вызывающих, и причин, приводящих их в движение, и мыслей, возбуждающих их. Противоположности сходны, и вещи, дойдя до пределов взаимной противоположности и остановившись у крайних границ несходства, становятся похожими, по могуществу Аллаха, великого, славного, от которого заблуждаются умы. Вот и снег, если долго держать его в руке, производит действие огня, и ты видишь, что радость, когда перейдет меру, убивает, и огорчение, когда перейдет меру, убивает, и когда усилится и продлится смех, то из глаз начинают течь слезы, и подобного в мире много. Мы видим, что, когда влюбленные одинаково любят и их любовь, крепко утвердилась, учащаются между ними беспричинные приступы гнева, и умышленное противоречие в словах, и нападки друг на друга из-за всякого малого дела, и каждый из них наблюдает за всяким словом, которое проронит другой, и толкует его не в том смысле, – все это для проверки, чтобы выяснить, что думает каждый из них о другом. И разница между этим и настоящей неприязнью и несходством, которое порождается ненавистью и взаимным несогласием, – в быстроте прощения. Ты замечаешь, что влюбленные достигли пределов разногласия, и считаешь, что даже у человека со спокойной душой, свободного от ненависти, оно исправится лишь через долгое время, а у завистника не залечится никогда, – и немедленно после этого видишь ты, что они вернулись к прекраснейшей дружбе, и упреки остались безнаказанными, и пали разногласия, и обратились влюбленные в этот же самый миг к смеху и шуткам. Так бывает и один час многократно, и, если ты видишь это между двумя людьми, пусть не смущает тебя колебание и не входит в тебя никакое сомнение, – не сомневайся, что между ними скрытая тайна любви, и реши это решением того, кого ничто от него не отклонит. Вот тебе правильная проверка и верная проба; это бывает только от одинаковой любви и истинной дружбы, и я часто это видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Цит. по кн.: И. Ю. Крачковский. Арабская культура в Испании. М.?Л., 1937, стр. 11-12.

2

Русский перевод И. П. Кузьмина (Л., 1925).

3

Абу Мухаммад – значит «отец Мухаммада». Полное арабское имя состоит из следующих частей: 1) названия отца по имени старшего сына: Абу Мухаммад; 2) собственно имени: Али; 3) отчества: Ибн Хазм – сын Хазма; 4) этнического имени, указывающего на место рождения – аль-Андалуси, Андалусский (то есть происходящий из Андалусии, мусульманской Испании) или принадлежность к племени, например аль-Азди, то есть происходящий из племени Азд. Наиболее вежливым считается обращение к мусульманину по имени сына.

4

Альмерия – значительный город на крайнем юго-востоке мусульманских владений в Испании. В эпоху написания «Ожерелья голубки» Альмерия была центром независимой провинции.

5

Шатиба (Хатива) лежит в 56 километрах к юго-западу от Валенсии, значительно севернее только что упоминавшегося города Альмерии. Шатиба являлась одной из значительных крепостей Андалусии. В мусульманском мире большой популярностью пользовалась изготовленная в Шатибе бумага, которую вывозили даже в Египет. В начале XI века Шатиба входила в пределы одного из многочисленных независимых королевств, на которые разделялась тогда мусульманская Испания.

6

Ан-Насир Победоносный – титул халифа Абд ар-Рахмана III (912-961).

7

Словом «случайность» здесь переведен арабский философский термин, который в специальной литературе обычно передается словом «акциденция». Ибн Хазм, употребляя термин «случайность» не совсем точно, понимает под ним все те элементы любви, которые не составляют ее сущности и зависят от посторонних причин.

8

Малик ибн Анас (умер в 795 г.) – основатель толка маликитов – одного из четырех мусульманских правоверных толков. Учение Малика было распространено среди большинства мусульманского населения Испании.

9

Иснад – цепь передатчиков, со слов которых сообщается тот или иной «хадис» – предание о словах и делах пророка Мухаммада.

Абу-д-Дерда – один из сподвижников Мухаммада (умер около 656 г.).

10

«Прямо ведомые халифы», или «халифы прямого пути», – титул первых четырех правителей мусульманского государства, «халифов», то есть преемников пророка Мухаммада. Слово «имам» имеет различный смысл; в данном случае оно так же, как и халиф, означает: духовный и светский глава мусульманской общины.

11

Андалусия – арабское название Пиренейского полуострова. Происхождение этого названия не выяснено; обычно его возводят к имени германского племени вандалов, которые в течение короткого времени (с 411 по 429 г.) занимали южную оконечность Испании, древнюю Бэтику.

Чтобы не повторять несколько раз дат правления отдельных султанов и халифов, которых упоминает в своей книге Ибн Хазм, приводим хронологическую таблицу правителей мусульманской Испании:

Независимые эмиры Испании

Годы правления

Абд ар-Рахман ибн Муавия – 756–788

Хишам I – 788–796

Аль-Хакам I. – 796–821

Абд ар-Рахман II – 821–852

Мухаммад I – 852–886

Аль-Мунзир – 886–888

Абдаллах – 888–912

Халифы

Абд ар-Рахман III ан-Насир – 912–961

Аль-Хакам II аль-Мустансир – 961–976

Хишам II аль-Муайяд – 976–1008

Мухаммад II аль-Махди – 1008–1009

Сулейман аль-Мустаин (аз-Зафир) – 1009–1009

Мухаммад II (вторично) - 1009-1010

Хишам II (вторично) - 1010-1013

Сулейман аз-Зафир (вторично) - 1013-1016

Али ибн Хаммуд - 1016-1018

Абд ар-Рахман IV аль-Муртада - 1018-1018

Касим ибн Хаммуд - 1018-1021

Яхья ибн Хаммуд - 1021-1023

Касим ибн Хаммуд (вторично) - 1021-1023

Абд ар-Рахман V аль-Мустазхир -1023-1024

Мухаммад III аль-Мустакфи - 1024-1025

Яхья ибн Хаммуд (вторично) - 1025-1027

Хишам III аль-Мутаадд - 1027-1031

13

Субх - любимая жена халифа аль-Хакяма II.

14

В тексте оригинала, вероятно, описка (первое «ибн» – лишнее). По-видимому, здесь имеется в виду Абд аль-Малик ибн Абу Амир, по прозвищу аль-Музаффар, сын знаменитого временщика Ибн Абу Амира аль-Мансура, унаследовавший неограниченную власть своего отца. Подробности жизни Абд аль-Малика неизвестны. Умер он в цветущем возрасте в 1008 г.

15

Амириды – потомки Ибн Абу Амира аль-Мансура.

16

Низир ибн Маад – пятый представитель династии египетских халифов Фатимидов. Его сын Мансур, по прозвищу аль-Хаким (996 – 1021), под конец своей жизни объявил себя воплощением божества.

17

Убейдаллах ибн Утба ибн Масуд-факих – законовед, соединявший богословскую эрудицию со склонностью к сочинению любовных стихов. Умер он около 720 г.

18

Фетва – юридическое разъяснение, даваемое главным судьей или знаменитым правоведом в форме ответа на вопрос судьи или частного лица. Лицо, имеющее право давать фетвы, называется «муфти». В своих ответах муфти не должен основываться на собственном мнении, а обязан руководствоваться уже

имеющимися прецедентами. Ибн Аббас – передатчик преданий, живший в первые времена ислама.

19

Абу Бекр Мухаммад ибн Дауд из Багдада (умер в 909 г.) – сын Дауда аз-Захири, основателя богословского толка захиритов, к которому, вероятно, уже в эпоху создания «Ожерелья голубки» принадлежал Ибн Хазм. Приводимая у Ибн Хазма мысль высказана Ибн Даудом в «Книге Венеры».

20

Коран, гл. VII, стих 189.

21

Букрат – арабская форма имени знаменитого греческого врача Гиппократ (V в. до н. э.). Арабам были известны многие сочинения Гиппократ; перевод некоторых из них на арабский язык появился уже в IX в.

22

Ифлатуном арабы называют философа Платона. Платон оказал значительное, хотя и не прямое, влияние на арабских мыслителей. Многие произведения, приписываемые арабами Платону, в действительности ему не принадлежат. То же следует сказать о бесчисленных изречениях и рассказах, которые влагаются в уста Платона арабскими писателями.

Тора – Моисеево пятикнижие. Во времена Ибн Хазма существовало уже два перевода Библии на арабский язык – перевод Саадии Гаона из Файюма (умер в 943 г.) и другой перевод (с латинского), сделанный в Испании в 956 г. Ибн Хазм, будущий историк религий, посвятивший немало усердия полемике с евреями, в юности знал их священную книгу, по-видимому, не особенно хорошо (ср. Бытие, гл. 30, стихи 31 – 42).

Ибрахим ибн Сайяр ан-Наззам (умер около 845 г.) – один из выдающихся представителей религиозно-философской секты мутазилитов. Мутазилиты – буквально «удалившиеся» (от мира) – отстаивали право человека прибегать при решении религиозных вопросов к помощи разума, а не только руководствоваться словами Корана или преданиями о словах и делах пророка («хадисами»). Основными пунктами расхождения мутазилитов с так называемыми «правоверными» мусульманскими школами были вопросы о свободе воли, сущности божества и сотворенности Корана. Мутазилиты признавали человека обладающим свободной волей и считали Аллаха чисто духовным существом, которому нельзя приписывать человеческие качества. Учение о сотворенности Корана во времени, провозглашенное мутазилитами, было объявлено официальным в эпоху халифа аль-Мамуна (813 – 833). При последующих халифах приверженцы этого взгляда считались еретиками и терпели жестокие преследования.

Буквы «лям» и «алиф» составляют слово «ля» – «нет».

26

Хишам ибн Абд ар-Рахман – второй из независимых эмиров Кордовы (788 – 796).

27

По мусульманскому поверью, камень бахт приковывает к себе взоры и вызывает веселое настроение.

Купить: https://telnovel.com/hazm_ibn/ozherel-e-golubki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)